

М. Н. Ковалевский

Закон и обычай на Кавказе

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
К56

К56 **Ковалевский М.Н.**
Закон и обычай на Кавказе: Том 1 / М. Н. Ковалевский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2013. – 304 с.

ISBN 978-5-518-06642-7

ISBN 978-5-518-06642-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе къ I-му тому.

Изученіе быта Кавказскихъ горцевъ началось уже давно. Сотни лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ генуэзецъ Интеріано и Іоаннъ Лукійскій, французы—Шарденъ и Тавернье, голландецъ, Стрюисъ, нѣмецкій подданный, Олеарій, познакомили насъ съ особенностями религіознаго, общественнаго и юридическаго быта черкесовъ, горцевъ Грузіи и Осетіи и горцевъ Дагестана. Литература конца XVIII и начала текущаго столѣтія особенно богата летучими замѣтками и систематическими описаніями быта горцевъ. Съ 50 годовъ, въ слѣдъ за переходомъ многихъ изъ нихъ подъ русское владычество, начинается оффиціальная запись ихъ юридическихъ обычаевъ или адатовъ. Бѣгле этнографическіе очерки чередуются съ многотомными трактатами, и литература о Кавказѣ начинаетъ приобрѣтать размѣры невольно парализующіе въ каждомъ новомъ изслѣдователѣ стремленіе къ полнотѣ и всесторонности. Можно было бы ожидать, что при такихъ условіяхъ не представится затрудненія найти отвѣтъ на вопросы: что такое горскій адатъ, изъ какихъ элементовъ онъ сложился; можно ли видѣть въ немъ исключительное выраженіе народныхъ юридическихъ возрѣній, или онъ отражаетъ на себѣ также тѣ различныя воздѣйствія, какимъ въ разное время подчинялась историческая жизнь Кавказа; каково въ частности его отношеніе къ древнимъ религіозно-юридическимъ системамъ, къ Иранскому, Римскому, Византійскому, Армян-

скому и Грузинскому праву; какую печать наложили на него бродячіе народы съѣвера или прибывшіе съ востока Арабы и Персы; какое наконецъ вліяніе оказало на него насильственное сближеніе покоренной силою оружія страны съ русской культурой. По всѣмъ этимъ вопросамъ текущая литература хранить упорное молчаніе, а между тѣмъ они—тѣ самыя, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ не только научное пониманіе кавказскаго права, но и самое направленіе нашей внутренней политики въ этой окраинѣ. Не получивъ по нимъ отвѣта, невозможно, съ одной стороны, опредѣлить, въ чемъ именно заключаются оригинальныя и чисто народныя нормы кавказскаго права, а съ другой—выяснить то положеніе, какое русское законодательство и суды должны занять по отношенію къ горскому адату. Такимъ образомъ, значеніе никѣмъ доселѣ не поднятыхъ, впервые поставленныхъ въ настоящемъ трудѣ, вопросовъ, одновременно и теоретическое и практическое. Отъ ихъ скорѣйшаго рѣшенія зависятъ, на нашъ взглядъ, и дальнѣйшіе успѣхи кавказовѣдѣнія и выполненіе принятой нами культурной миссиі на Кавказѣ. Безъ опредѣленія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась кавказская гражданственность, всякія попытки достигнуть правильнаго ея пониманія неизбежно останутся безплодными. Точно также какъ безъ выясненія туземныхъ и чужеродныхъ элементовъ кавказскаго права, русское правительство навсегда останется въ неизвѣстности на счетъ того, что оно должно сохранить, а что отвергнуть въ дѣйствующемъ адатѣ. Этнографія и исторія обязаны на этотъ разъ придти на помощь законодательству и судебной практикѣ, выясняя имъ тотъ путь, по которому они должны идти имѣя въ виду интересы общественнаго возрожденія края. Авторъ не обольщаетъ себя мыслью, что печатаемое имъ изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ послѣднее слово по возбужденнымъ имъ вопросамъ. Онъ раздѣляетъ, наоборотъ, увѣренность въ томъ, что его выводы нуждаются въ пересмотрѣ и исправленіи со стороны мѣстныхъ изслѣдователей. Задача его слишкомъ обширна, чтобы быть выполненной съ надлежащей полнотой и обстоятельностью. Онъ еще болѣе далекъ

отъ мысли ждать скорыхъ практическихъ результатовъ отъ той новой постановки вопроса объ отношеніи обычая и закона, какую читатель найдетъ въ его трудѣ. Кто имѣлъ случай дѣйствовать на общественномъ поприщѣ, тотъ разумѣется успѣлъ отказаться отъ иллюзіи о возможности непосредственнаго пракческаго воздѣйствія. Окружающая насъ со всѣхъ сторонъ рутинна не позволяетъ сомнѣваться, что высказываемыя авторомъ пожеланія, какъ бы скромны они ни были, осуществляются не раньше, какъ на разстояніи десятковъ лѣтъ. Русскій писатель, видящій въ торжествѣ своихъ идей, единственный стимулъ для дѣятельности, несомнѣнно отложилъ бы въ сторону перо — такъ мало надеждъ вызываетъ въ немъ дѣйствительность. Есть эпохи въ исторіи, когда путеводная нить теряется изъ глазъ, когда прошедшее перестаетъ быть залогомъ для настоящаго и будущаго, когда невольно утрачивается вѣра въ прогрессъ, въ неизбежность поступательнаго движенія человѣчества. Одну изъ такихъ эпохъ переживаемъ мы нынѣ. Въ созданныхъ ею условіяхъ одинокій работникъ, пишущій въ тиши кабинета для неизвѣстнаго и, можетъ быть, несуществующаго читателя, по всей вѣроятности найдетъ для своей дѣятельности нѣкоторое оправданіе.

Село Воложскій Куть.

19 сентября 1889 г

ИСТОЧНИКИ
КАВКАЗСКАГО АДТА.

1

**НАРОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
АДАТНАГО ПРАВА.**

ГЛАВА I.

Матріархатъ.

За послѣдніе годы все болѣе и болѣе стало выясняться значеніе, какое для сравнительной этнографіи и исторіи права, не говоря уже о языковеденіи и исторіи религій, можетъ имѣть всестороннее изученіе быта населяющихъ Кавказъ народностей.

Интересъ, съ какимъ встрѣчены были въ Германіи «Осетинскіе Этюды» Всеволода Миллера и составленная на основаніи ихъ работа профессора Гюбшмана объ этиологіи осетинскаго языка, готовность, съ которой такія ученые изданія, какъ *Journal des Savants*, *English Archaeological Review* и *Memorials of the Asiatic Society* готовы принять всякую статью, относящуюся къ археологіи и бытописанію Кавказа, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что европейская наука начинаетъ смотрѣть на изученіе народныхъ вѣрованій, обычаевъ и преданій нашей южной окраины съ такимъ же интересомъ, съ какимъ она относится въ этнографіи и древностямъ туземныхъ племенъ Америки или столь разнообразнаго по своему составу населенія Индіи.

То обстоятельство, что въ сочиненіяхъ, нерѣдко весьма далеко стоящихъ отъ прямыхъ задачъ кавказовѣдѣнія, все чаще и чаще попадаются ссылки на современные обычаи осетинъ, черкесовъ или грузинскихъ горцевъ само по себѣ указываетъ и на источникъ того интереса, какой кавказовѣдѣніе начинаетъ вызывать въ крупныхъ представителяхъ исторіи и сравнитель-

ной исторіи права, какъ: Дарестъ, Эменъ, Поль Виоле, Колеръ и другіе. Европейскихъ ученыхъ занимаетъ прежде всего мысль о томъ: въ какой мѣрѣ изученіе юридическаго быта кавказскихъ племенъ подтверждаетъ или опровергаетъ тѣ гипотезы на счетъ древнѣйшихъ стадій общежитія и развившихся на ихъ почвѣ юридическихъ институтовъ, какія этнологамъ и юристамъ Запада удалось постронть на основаніи часто отрывочнаго, неполнаго, и еще чаще плохо провѣреннаго и потому сбивчиваго и противорѣчиваго матеріала. Еще съ конца прошлаго вѣка стала постепенно выясняться невозможность обойтись при изученіи древнѣйшаго права безъ того могущественнаго подспорья, какое даетъ изслѣдователю наблюденіе надъ бытомъ дикихъ и варварскихъ народовъ современности. То обстоятельство, что древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ литературы и законодательства относятся къ эпохѣ уже сложившагося государственнаго быта — причина тому, что о предшествующихъ государству общежительныхъ формахъ мы, на основаніи этихъ памятниковъ, можемъ составить себѣ лишь отрывочное и далеко не полное представленіе. Правда, въ нихъ разсыпано не мало указаній на то, каковы были тѣ порядки, съ какими пришлось бороться развивающейся государственности. Правда, въ нихъ попадаются еще обломки или пережитки потерявшихъ свой первоначальный смыслъ юридическихъ институтовъ; но и того, и другаго далеко недостаточно для возстановленія въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣхъ сторонъ предшествующей государству соціальной организаціи.

Чтобы выйти изъ той неопредѣленности, съ какой теологи и метафизики рисовали до-государственный бытъ людей, изображая намъ—одни: воспроизводящее картины рая «состояніе невинности», а другіе: мало чѣмъ отличное отъ него «естественное состояніе». Англичанинъ Гоббсъ, еще въ XVII вѣкѣ, счелъ возможнымъ обратиться къ быту дикарей, какъ къ вѣрнѣйшему указателю того, въ чемъ именно состоялъ этотъ превозносимый всѣми догосударственный строй. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сочиненіи Лафито о нравахъ и обычаяхъ краснокожихъ, историки и юристы нашли первое сколько нибудь систематическое и цѣльное описаніе первобытной культуры, сравнитель-